

Уилла Дрейк и Соня Бейли отправились торговать шоколадными батончиками вразнос. Затея эта возникла ради школьного оркестра. Если денег наберется достаточно, музыканты начальной школы имени Герберта Мэлоуна поедут на региональный конкурс в Гаррисберге. В этом городе Уилла еще не бывала, но ей нравилось его шершавое имя. Соню туда возили совсем малышкой, и потому никаких воспоминаний о Гаррисберге у нее не сохранилось. Если нынче поездка не выгорит, переживали девочки, это будет смерти подобно.

Уилла играла на кларнете, Соня — на флейте. Им было по одиннадцать лет. Неподалеку друг от друга они жили в Ларк-Сити, Пенсильвания, который был никакой не сити и даже не городок, ибо не имел тротуаров, если не считать единственную панель торговой улицы. В представлении Уиллы тротуары должны быть *огромные*. Когда вырасту,

мечтала она, ни за что не стану жить там, где их вовсе нет.

Из-за отсутствия тротуаров девочкам запрещалось разгуливать по городским дорогам после наступления темноты, посему торговать они отправились днем. Уилла несла коробку с батончиками, Соня — пакет из оберточной бумаги, предназначавшийся для вырученных денег. Поход начался от дома Сони, но вначале подругам пришлось разделаться с домашними уроками. Сониная мать взяла с девочек слово, что они вернутся домой, как только молочно-блеклое февральское солнце скроется за корявыми деревьями на вершине горной гряды. Сониная мама была та еще трусиха, чего не скажешь о матери Уиллы.

Подруги решили начать торговлю с дальней Харпер-роуд и уже оттуда двигаться в свой район. Никто из оркестрантов не жил в тех краях, что давало надежду всех опередить и сорвать хороший куш. Нынче понедельник, первый день шоколадной кампании, однако все прочие торговцы раскачаются не раньше выходных.

Наградой трем лучшим продавцам станет оплаченный обед из трех блюд в гаррисбергском ресторане в компании мистера Бадда, учителя музыки.

Дома на Харпер-роуд были сравнительно новые, в так называемом стиле ранчо. И жили в этих одноэтажных кирпичных строениях относительные новоселы — работники мебельной фабрики, пару лет

назад открывшейся в Гарреттвиле. Никого из местных жителей Уилла и Соня не знали, и это было к лучшему, ибо девочки немного стеснялись своей торгашеской роли.

Прежде чем позвонить в первый дом, они постояли за раскидистым вечнозеленым кустом, собираясь с духом. Перед походом обе ополоснули руки и умылись, а Соня еще расчесала темные волосы, прямые и послушные, сквозь которые гребень скользил легко. Для золотистой курчавой копны ее подруги требовалась щетка, но у Сони ее не нашлось, и Уилла просто ладонями приладила свои кудряшки. Обе девочки были в одинаковых куртках с капюшонами, отороченными фальшивым мехом, и джинсах, подвернутые штанины которых выставляли напоказ клетчатую фланелевую подкладку. Соня переобулась в кроссовки, а Уилла так и осталась в школьных коричневых «оксфордах» на шнурках, ибо нарочно не зашла домой, иначе с ней непременно увязалась бы младшая сестренка.

— Когда дверь откроется, выставь всю коробку, а не просто один батончик, — сказала Соня. — И спроси: не желаете купить шоколадки?

— Мне спрашивать? Я думала, спросишь ты.

— Не, я буду себя чувствовать глупо.

— Ничего себе! А я не буду, что ли?

— Со взрослыми ты общаешься лучше.

— А ты что будешь делать?

— Я отвечаю за деньги. — Соня помахала пакетом.

— Ладно, только в следующем доме спросишь ты.

— Хорошо.

Ну да, второй-то раз оно всегда легче. Уилла крепче ухватила коробку и следом за подругой вышла на мощенную плиткой дорожку.

Перед домом стояла металлическая скульптура, нечто ультрасовременное: взметнувшаяся ввысь дуга. Дверной звонок имел подсветку, горевшую даже днем. Соня ткнула кнопку. Где-то в нутре жилища прозвучало сочное «динь-дон», а затем наступила мертвая тишина, вселявшая надежду, что хозяев нет дома. Однако вскоре послышались шаги и на пороге возникла улыбающаяся женщина, моложе и несравнимо эффектнее матерей Уиллы и Сони: короткие каштановые волосы, яркая помада, мини-юбка.

— О, привет, девочки, — сказала она.

За спиной ее появился малыш, тащивший игрушку на веревочке:

— Кто там, мама? Кто там?

Подруги переглянулись. Сонин вид — доверчивый распахнутый взгляд, влажный, чуть приоткрытый рот, словно она вот-вот заговорит, — показался таким потешным, что в горле Уиллы щекотно забулькал смех. Неожиданно для себя она пискнула, что тоже показалось просто уморительным, и тогда смешинки превратились в хохот, хлынувший неудержимым водопадом, а следом и Соня взвизгнула и от смеха перегнулась пополам. Женщина все еще недоуменно улыбалась.

— Не желаете... не желаете... — выговорила Уилла, но закончить не смогла, захлебнувшись смехом.

— Вы что-то продаете? — ласково спросила женщина.

Наверное, подумала Уилла, в детстве и с ней случались подобные приступы, но, конечно, не столь истерические и безнадежно неудержимые, когда от смеха, затопившего тебя целиком, слезы текут ручьем и приходится, вцепившись в коробку, сжимать колени, чтобы не описаться. От стыда хотелось провалиться сквозь землю (отчаянный, безумный взгляд Сони говорил, что подругу снедает похожее желание), но вместе с тем накатило изумительно приятное облегчение. Скулы сводило, а живот размяк. Казалось, еще немного — и Уилла лужей растечется по крыльцу.

Первой сдалась Соня. Она вяло отмахнулась от женщины и пошла прочь, Уилла молча последовала за ней. Входная дверь тихо закрылась.

Девочки уже не смеялись. Уилла вдруг почувствовала жуткую усталость, опустошенность и легкую грусть. Видимо, Соню одолевали такие же чувства, ибо она взглянула на солнце, серебряной монеткой висевшее над горной грядой, и сказала:

— Пожалуй, лучше дождаться выходных. Сил нет, когда столько задают на дом.

Уилла не возразила.

Когда отец впустил ее в дом, вид у него был расстроенный. Бледно-голубые глаза за стеклышками

очков без оправы казались погасшими, ладонь растерянно потирала лысину, что всегда было признаком огорчения. Мелькнула мысль: он уже знает о приступе смеха. Конечно, это маловероятно (и потом, он не из тех, кто осуждает веселье), но чем еще объяснить его вид?

— Привет, милая, — уныло сказал он.

— Привет, пап.

Отец прошел в гостиную, предоставив ей самой закрыть дверь. Он был в белой рубашке и серых брюках, в которых ходил на работу, но уже переобулся в вельветовые тапки, а значит, не только что вернулся домой. В гарреттвильской средней школе он вел уроки труда, и его рабочий день заканчивался гораздо раньше, чем у других отцов.

Сестренка сидела на ковре, разглядывала комиксы в газете. Ей стукнуло шесть лет, и в одночасье она превратилась из ангелочка в страшилу с обгрызенными ногтями, щербатым ртом и противно тощими каштановыми косичками.

— Сколько продала? Все, что ли? — спросила она, увидев в руках Уиллы только портфель, но не коробку с батончиками, которую та оставила у Сони.

Уилла бросила портфель на кушетку и стянула куртку, следя за отцом, прошедшим напрямиком в кухню. Уилла последовала за ним. С крючка над плитой отец снял сковородку и наигранно бодро возвестил:

— На ужин горячие сэндвичи с сыром!